

Мазинов А.

О диалектологическом и этнолингвистическом исследовании проблемы греческих и итальянских заимствований в крымскотатарском языке.

Отмечая схожесть и близость диалектологического и этнолингвистического исследования, следует выделить то, что будет различать эти два направления, способа изучения языкового материала. Ведь исследуется практически тот же самый материал, теми же методами.

Основным отличием будет то, как оцениваются языковые единицы, под каким углом зрения они рассматриваются. Диалектолога прежде всего заинтересует речевой материал как таковой: какой диалект или говор существовал или существует, на какой территории он функционирует, что его отличает от других диалектов, языковые процессы, сформировавшие эти отличия и особенности.

Этнолингвистическое рассмотрение лингвистического материала предполагает выявление причин формирования этих отличий в связи с носителем, их обусловленность с развитием субэтнуса и этноса в целом. Диалектные отличия служат дополнительным материалом, помогающим выяснить, как развивался тот или иной субэтнос в составе этноса. Нет необходимости подчеркивать более тесную связь этнолингвистики с историей в сравнении с другими разделами языкознания. Этнолингвиста прежде всего заинтересует, какие народы или народности участвовали в формировании этого диалекта. Это особенно важно при исследовании языка и происхождения таких исторически полиэтничных народов, как крымскотатарский, в языке которого наряду с несколькими тюркскими диалектами много греческих, итальянских и, возможно, готских лексем на фоне персидских и арабских религиозно-культурных заимствований.

Возникает необходимость определения понятия "заимствование". В широком толковании оно будет включать в себя как слова, вошедшие в язык из других языков в результате материальных и культурных контактов, так и лексемы, существовавшие в нем исконно, со времен смешения разнородных групп и формирования нового языка (диалекта). Второй тип лексем можно определить как "субстратные заимствования" или, по определению А.М. Меметова, "ранние грецизмы или непосредственные заимствования"ⁱ. Весьма важной стороной исследования будет выявление такой субстратной лексики (в нашем случае у южнобережных крымцев - ялы бою).

Проводя этимологические исследования, изучая лексическую структуру языка, часто обращаются к статистическому подсчёту количества заимствований на определённое количество текста. Обычно для анализа используются материалы газет или тексты художественных произведений. Такой монохронный метод исследования правомочен и целесообразен при изучении литературного языка и представляет собою срез, характеризующий определённый, чаще всего современный лингвистический пласт.

Наряду с подобным исследованием существует и другой, диахронный метод, когда рассматривается весь словарный состав, независимо от времени и сферы функционирования лексем. В силу большого объёма обрабатываемого материала он сложен и трудоёмок и может быть разбит на ряд проблем, изучающих эту общую проблему в отдельных аспектах и затем суммируемых. Именно такое исследование приемлемо для этнолингвистического анализа, для которого весьма важен исторический, временной аспект функционирования лексем.

Рассмотрим эту проблему на примере этнолингвистического анализа заимствований крымскотатарского языка.

Так, данный в работе профессора А.М. Меметова "Источники формирования лексики крымскотатарского языка"ⁱⁱ процентный анализ составляющих компонент представляет монохронную картину современного литературного языка, где 58,3 % тюркских лексем, 18,2 % - арабских, 16,1 % - русских, 6,1 % - иранских, 0,6 % - греческих, 0,4 % - монгольских, итальянских, гунуэзских и других языков.

При диахронном исследовании картина усложняется, так как возникнет проблема диалектов. Именно в диалектах сохраняется многообразие влияний, тогда как в литературном языке преимущественно влияние персидского и арабского языков, что и отражено в монохронном анализе.

Для этнолингвистического анализа важна закономерность, отмеченная в той же работе А. М. Меметоваⁱⁱⁱ: наибольшее количество заимствований из греческого языка будет на побережье, где взаимодействие и ассимиляция колонистов были наиболее высоки и регулярны. По мере удаления от побережья заимствования и греческие субстратные лексемы заменяются тюркскими лексемами (кенеф – аяк ёл). Часто обе лексемы сосуществуют и в равной степени используются в речи носителей (афырмак – авулдамак). Поэтому, изучая греческие и итальянские заимствования, мы обратимся в первую очередь к диалекту прибрежных (ялы бою) и горных крымцев.

Ещё одним аспектом исследования будет деление всех заимствований на три большие группы: неологизмы (в основном заимствования, вошедшие через русский язык), слова, вошедшие в язык достаточно давно, и лексемы, существовавшие в речи носителей исконно и являющиеся, видимо, остаточным "реликтовым фоном" того субстрата, языка, который функционировал до полного перехода жителей побережья и гор на тюркские диалекты.

Так, к первой группе, безусловно, следует отнести лексемы типа: аномалия, антоним, лаборант и другие. Во вторую группу можно включить лексемы типа: аугустос, кьадран (циферблат). К третьей группе следует отнести слова типа: кобре - навоз, керамит – черепица, калтин – вязаные тапочки и другие лексемы. Для третьей группы характерна полная адаптация греческих и итальянских лексем.

Первый тип лексем изучен достаточно полно^{iv}, он практически весь зафиксирован в словарях. Его отличительной чертой является заимствование греческой и итальянской лексики через русский язык. Это в большинстве своём научная терминология и общественно-политическая лексика. Лексемы этого типа легко выделяются, так как не претерпели существенных трансформаций.

Естественным выглядит отсутствие в этой группе субстратных лексем, так как в 19-20 веках количество смешанных браков было невелико и влияние греческого населения Крыма на крымскотатарское не носило решающего характера.

Процесс изучения этого типа лексем будет двухступенчатым: трансформация слова в русском языке и последующая, если таковая происходила, в крымскотатарском.

Основным критерием выделения лексем второй группы может служить их смысловая отнесенность к периоду, начало которого следует определить поздним средневековьем, а конец – временем присоединения Крыма к России.

Дополнительным признаком будет их принадлежность к италийским диалектам, в большей степени языку геноуэцев. Это лексемы типа:

къамере (беседка) - camera, ae f (лат.) (сводчатая комната) - қама̀ра;

канарья - canaria, ae f - канарейка;

къадран - quadrante (итал.) – циферблат;

къап (футляр, чехол) - sarcitas (вместимость, емкость).

Заемствования этой группы почти не подверглись семантической и фонетической трансформации.

Наиболее разнообразны и многочисленны лексемы третьего типа, обзор тематических групп которых и анализ основных процессов фонетической, морфологической и семантической трансформации даны в работах Меметова А.М.^v

Требует дополнительного изучения вопрос о преимущественном заимствовании некоторых лексем из двух исторически тесно связанных языков - греческого и латинского.

Кальчин // кальтин (вязаные тапочки, этн.) – calceus (лат.) – calzature (итал.) - καλτιος – (римская) обувь.

Возможно опосредованное заимствование через греческий (византийский) язык. Можно предположить двойное заимствование, обусловившее диалектную форму *кальчин*.

Исследуя заимствования в этом плане, можно с уверенностью сказать, что полному переходу на тюркские диалекты у горожан побережья предшествовала некоторая переходная субстратная форма языка, когда в речи мешались греческие, италийские, тюркские и другие лексемы. Косвенным подтверждением этого служит создание словаря "Codex Cumanicus" и большой процент заимствований иноязычной лексики в крымскотатарском языке.

Структура и типовое разнообразие заимствованных лексем позволяют сделать вывод о протяженности этногенетических процессов у южнобережной части крымскотатарского этноса. Большинство лексем греческого и италийского происхождения глубоко освоены, фонетически и семантически трансформированы, полностью вошли в речевую практику носителей, то есть являются субстратным материалом.

Явной будет еще одна закономерность: адаптация и трансформация тем выше, чем раньше заимствована лексема.

Несомненно, проблема влияния древнегреческой и италийской культур на тюркские и тюркоязычные народы более широка и практически не изучена. Более чем тысячелетний промежуток взаимодействия цивилизаций, начало которого датируют 4-5 веками нашей эры, позволяет выделить слова, вошедшие во многие тюркские языки (в основном неологизмы), в некоторые из них (западная и южная группы) и в отдельные языки (турецкий, крымскотатарский).

Весь очерченный круг проблем требует глубокой разработки и широкого диахронного анализа.

ⁱ Меметов А.М. Крымские татары. Историко-лингвистический очерк. – Симферополь, 1993 – С.48.

ⁱⁱ Меметов А.М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка. – Ташкент: "Фан", 1988. – С.5.

ⁱⁱⁱ Там же. – С.68.

^{iv} Меметов А.М. Заимствования из русского языка в современном крымскотатарском языке. – Ташкент, 1978.

^v Меметов А.М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка. – Ташкент: "Фан", 1988. – С.66-67.